

<https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-4-50-73>
<https://elibrary.ru/QUKWNK>
Научная статья
УДК 821.161.1.09"18"

© 2025. М. М. Сафонов

Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
г. Санкт-Петербург, Россия

«Секретная миссия» княгини Е. Р. Дашковой в общественно-политической борьбе третьей четверти XVIII в.

Аннотация: Автор поставил перед собой задачу восстановить тайную политическую деятельность близкой подруги императрицы Екатерины II княгини Е. Р. Дашковой в третьей четверти XVIII в. после дворцового переворота 28 июня 1762 г. Ближайшая подруга императрицы Екатерины II, будущая глава двух Академий, тщательно скрывала эту сторону своей многогранной деятельности и ничего не рассказала о ней в своих знаменитых «Записках». Автору статьи удалось установить, что во время своего первого заграничного путешествия находившаяся в полу-опале статс-дама российской монархии выполняла секретную миссию, возложенную на нее императрицей. Суть этой миссии заключалась в том, чтобы посредством личных контактов с корифеями Просвещения Дидро и Вольтером нейтрализовать негативное восприятие образа России, созданное трудами К.-К. Рюльера и Ж.-Б. Шаппа Д'Отроша, и убедить общественное мнение Европы в том, что сочинения этих французских авторов, побывавших в России, в действительности являются пасквилями.

Ключевые слова: Е. Р. Дашкова, Екатерина II, Вольтер, Д. Дидро, Россия, дворцовый переворот, эпоха Просвещения, просветители.

Информация об авторе: Михаил Михайлович Сафонов, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский Институт истории Российской академии наук, ул. Петрозаводская, д. 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCIDID: <https://orcid.org/0000-0000-9532-2216>

E-mail: m.safonov@list.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 26.03.2025

Дата одобрения статьи рецензентами: 18.07.2025

Дата публикации статьи: 25.12.2025

Для цитирования: Сафонов М. М. «Секретная миссия» княгини Е. Р. Дашковой в общественно-политической борьбе в третьей четверти XVIII в. // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 4. С. 50–73. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-4-50-73>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 7, no. 3, 2025, pp. . ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 7, no. 3, 2025, pp. 50–73. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2025. Mikhail M. Safonov

St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

The “Secret Mission” of Princess E. R. Dashkova in the Socio-Political Struggle of the Third Quarter of the 18th Century

Abstract: The author set out to reconstruct the secret political activities of Empress Catherine II’s close friend, Princess E. R. Dashkova, in the third quarter of the 18th century, following the palace coup on 28 June 1762. Empress Catherine II’s closest friend and the future head of two Academies carefully concealed this aspect of her multifaceted activities and did not tell anything about it in her famous *Memoirs*. The author of the article managed to establish that during her first trip abroad, the stateswoman of the Russian monarch, who was in a semi-basement, carried out a secret mission entrusted to her by the empress. The essence of this mission was to neutralize, through personal contacts with the luminaries of the Enlightenment, Diderot and Voltaire, the negative perception of the image of Russia created in the works of K.-K. Ruhlier and J.-B. Chappe d’Autroche, and convince European public opinion that the works of these French authors who have visited Russia are, in fact, lampoons.

Keywords: E. R. Dashkova, Catherine II, Voltaire, D. Diderot, Russia, the palace coup, the Age of Enlightenment, enlighteners.

Information about the author: Mikhail M. Safonov, PhD in History, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaya St., 7, 197110 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0000-9532-2216>

E-mail: m.safonov@list.ru

Received: March 26, 2025

Approved after reviewing: July 18, 2025

Published: December 25, 2025

For citation: Safonov, M. M. “The ‘Secret Mission’ of Princess E. R. Dashkova in the Socio-Political Struggle of the Third Quarter of the 18th Century.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 7, no. 4, 2025, pp. 50–73. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-4-50-73>

10 мая 1771 г. в замке Ферней имела место встреча княгини Е. Р. Дашковой и Вольтера. Приглашение к Патриарху будущей главы двух академий состоялась по инициативе княгини. Будучи в Женеве, 8 мая она написала письмо Патриарху. Рассыпавшись в комплиментах прославленному писателю, Екатерина Романовна просила разрешения увидеть его хотя бы на одно мгновение, которое, по ее словам, несомненно, будет самым приятным и интересным» в ее жизни (Здесь и далее перевод с французского мой. — М. С.) [Voltaire 1973: 115]. Дашкова была приглашена. И «мгновение», «самое интересное и приятное», продлилось целых четыре часа: с семи часов до часа ночи [Voltaire 2006: 189].

Большинство современников княгини, если бы им выпало счастье иметь возможность хоть одну минуту беседовать с Вольтером, посчитали бы такую удачу счастливейшим моментом собственной биографии. Но Дашкова всю свою жизнь хранила глубокое молчание об этой достопамятной встрече. Один раз в письме от 1 июня 1771 г. к родному брату А. Р. Воронцову, с которым у княгини были доверительные отношения, она мимоходом упомянула о встрече с Вольтером и только для того, чтобы сообщить о том, что философ высоко ценит его: «Я видела Вольтера, который ценит вас, как все, кто вас видел и не мог не восхищаться вами» [Архив князя Воронцова: 181]. Лишь на исходе дней Е. Р. Дашкова в «Записках», написанных рукой ирландки Марты Вильмот, рассказала о своем посещении замка Ферней. Картина выглядела удручающей. Она увидела дряхлого, изможденного старика, неискреннего старца, приторно ей льстившего. Мемуаристка сообщила читателям, что М.-Л. Дени, на половине которой они ужинали, «была довольно тяжеловесна умом для племянницы столь великого гения». На ужине присутствовали два богатых парижских откупщика, портреты которых висели на стенах гостиной мадам Дени, и не только племянница, но и ее дядя, то есть Вольтер, ухаживали за богачами. Увиденное не позволило Дашковой испытать чувство радости и насла-

даться восхищением, которые ее воображение рисовало накануне этого посещения. Действительность оказалась намного прозаичнее, Дашкова была разочарована. Но житейская с привкусом меркантильности суета вокруг парижских богачей стала только одной из слагаемых разочарования, испытанного княгиней. Не в меньшей степени оно было вызвано тем, что Вольтер «ухаживал за откупщиками», почти «заискивал», стоя на коленях [Сафонов 2016: 112–128].

Отвечая на просьбу Дашковой принять ее, Вольтер написал, что поспешил бы преклонить колени (“to throw himself at the feet”) [Voltaire 1973: 392–393] перед Дашковой, если бы ему позволило расстроенное здоровье. (К сожалению, это письмо Вольтера известно только в английском переводе, но, по всей видимости, он написал «на коленях» — “à genoux”). Дашкова, видимо, обыграла это выражение. В своем описании вечера в Ферней она поместила Вольтера в кресле на коленях перед собой. Неизвестно, действительно ли стоял философ на коленях в кресле перед Дашковой во время ее приема в его замке, но самое описание княгини, изобилующее подробностями медицинского свойства, весьма красноречиво своим натурализмом.

Стоит только представить картину, которую нарисовала автор «Записок», как невольно в памяти встают полные иронии и даже сарказма полотна Жана Гюбера из серии «Вольтер в домашней обстановке». Можно даже сказать, что нарратив Дашковой пополняет губеровскую «Вольтериаду» еще одной картиной, на этот раз словесной [Сафонов 2018: 144–156]. Картины Гюбера, выставяющие Вольтера «на посмешище», не могли не импонировать обиженной на писателя княгине. Дело в том, что после переворота 1762 г. Дашкова посредством И. И. Шувалова попыталась вступить в переписку с Вольтером и с помощью его пера прославить свое участие в низвержении Петра III. Однако эта попытка вызвала раздражение императрицы и явилась одной из причин разлада двух Екатерин, бывших подруг. Императрица посредством швейцарца Ф.-Ж. Пикте вступила в переписку с философом и с его помощью свела роль Дашковой до второстепенной участницы переворота. С легкой руки Вольтера образ Дашковой как негативный стал преобладающим во французской «Россике». Княгиня была глубоко уязвлена этим и затаила обиду на Вольтера на всю оставшуюся жизнь [Сафонов 2013: 149–173]. В конце ее Е. Р. Дашкова вот таким оригинальным способом «воздала по

заслугам» писателю, унизившему ее тогда, когда она была на вершине своей славы.

Однако неверно объяснять молчание княгини о содержании бесед с Вольтером одной лишь «мезью» бывшей подруги императрицы. Также неверно было бы искать объяснения «немоты» Дашковой в том, что сама композиция нарисованной саркастическим пером сцены не позволяла вмонтировать в нее подробное содержание беседы философа с русской придворной дамой. Если бы автор «Записок» дословно воспроизвела речи своего великого собеседника, то образ, настойчиво создаваемый воображением, разрушился бы. В противном случае пришлось бы сочинять выдуманные диалоги, чтобы речи Вольтера соответствовали создаваемому образу. Завершая описание встречи, мемуаристка сообщила, что Вольтер спросил, будет ли он еще иметь удовольствие видеть ее. Дашкова попросила разрешения посещать его по утрам, чтобы провести их с ним с глазу на глаз. Писатель согласился, и княгиня пользовалась его позволением, пока жила в Женеве. Тогда, по словам Дашковой, он был совсем другим. Наедине с ним, в его кабинете или в саду, княгиня снова увидела его таким, каким он представлял со страниц своих сочинений, и каковым его рисовало ее воображение [Архив князя Воронцова 1881: 152].

Далее ни слова, никогда, никому, о чем они говорили наедине. Патриарху в кабинете, запечатленному на страницах его трудов, княгиня предпочла «Вольтера на театральной сцене», сошедшего с полотен Гюбера.

Молчание княгини — факт крайне примечательный. Однако он еще не отмечен ни биографами Вольтера, ни исследователями жизни Дашковой. А между тем он требует объяснения. Особенно, если принять во внимание, что пять дней спустя после появления Дашковой в Ферней, Вольтер сообщил российской императрице, что говорили они с княгиней о Екатерине II [Voltaire 2006: 189]. Правильно понять этот факт можно лишь в контексте взаимоотношений российской императрицы с французскими просветителями, самой натуры Екатерины II, характера Дашковой и того, какую роль играла княгиня в личных контактах будущей главы двух академий с корифеями Просвещения.

Когда Екатерина II уже именовалась Великой, она поделилась с Н. П. Румянцевым «секретом» своего успеха:

Однажды, в большом доме, в многолюдном обществе, когда речь зашла обо мне, стали меня ославлять, унижать, только что не бранить. Вдруг бабушка хозяина, современница Петра Великого, за меня вступилась, стала уверять, что при дворе еще не бывало подобной мне принцессы и что я предназначена судьбой составить счастье и славу России. Все притихли, все безусловно согласилось со старушкой, и с тех пор ни одного оскорбительного слова не было произнесено на мой счет в этом доме. Я заметила это обстоятельство и вознамерилась им воспользоваться. И в торжественных собраниях, и на простых сходбищах и вечеринках я подходила к старушкам, садилась подле них, спрашивала о их здоровье, советовала, какие употреблять им средства в случае болезни, терпеливо слушала бесконечные их рассказы о их юных летах, о нынешней скуке, о ветрености молодых людей, сама спрашивала их советов в разных делах и потом искренне их благодарила. Я знала, как зовут их мосек, болонок, попугаев, дур; знала, когда какая их этих барынь именинница. В этот день являлся к ней мой камердинер, поздравлял ее от моего имени и подносил цветы и плоды оранienбаумских оранжерей. Не прошло двух лет, как самая жаркая хвала моему уму и сердцу послышалась со всех сторон и разнеслась по всей России. Самым простым и невинным образом составила я себе громкую славу, и когда зашла речь о занятии русского престола, очутилось на моей стороне значительное большинство [Греч 1886: 107–108].

Но это была только одна сторона дела. Женщина, которую потом назовут Catherine le Grand, включилась в борьбу за обладание троном буквально с первого шага на русскую землю. Она истратила 657 тысяч рублей (при ежегодном жаловании 30 тысяч) на нейтрализацию соглядатаев, наблюдавших за ней, на оплату осведомителей, сообщавших ей о каждом шаге императрицы Елизаветы Петровны, на подкуп нужных ей людей с помощью богатых подарков. Екатерина доставала деньги на содержание «комнатной гвардии» Петра III, неформальной военной единицы, созданной тайно для защиты интересов Малого двора, и имевшей собственное обмундирование и систему чинов. Супруга же наследника являлась членом этого неформального военного подразделения, и у нее даже был свой чин. Уже в конце 1740-х гг. великая княгиня имела на своей стороне военную силу и подробный план действий на случай внезапной смерти императрицы Елизаветы Петровны. Жена наследника была готова принести в жертву своим политическим

интересам семейную жизнь и даже радость материнства. Разумеется, она раскрыла Румянцеву далеко не все «секреты» своей житейской философии. Но чтобы понять, как «ангелът-цербстская девственница» [Сафонов 2005: 208–242] стала Великой, она рассказала достаточно. Учитывая позднейшие откровения императрицы, не покажется странным: точно так же, как в случае со старушками, она пользовалась и философами эпохи Просвещения, чтобы убедить Европу, что именно она «предназначена судьбой составить счастье и славу России». Только использовать эти рычаги великая княгиня Екатерина стала не до переворота 1762 г., как это имело место в России, когда она только прокладывала путь к власти, но уже после него, убеждая европейское общественное мнение в том, что на российском престоле находится живой идеал XVIII в. — «философ на троне». Но при этом вместо старческих воспоминаний, памятных дат, любимых животных, дышащих на ладан влиятельных старушек, одаренная необыкновенной практической сметкой самодержица проявляла «неподдельный интерес» к сочинениям и теориям философов эпохи Просвещения. Тонко чувствующая пульс времени государыня, единственным кумиром которой всегда была власть, как бы «спрашивала их советов в разных делах», хотя в них не очень-то и нуждалась, будучи «себе на уме». И конфиденты императрицы доставляли им не цветы и плоды ораниенбаумских оранжерей, как ранее это делали лакеи великой княгини. Но то, в чем они больше нуждались, чтобы иметь руки свободными: денежные пособия, которыми властители дум не только не брезговали, но которые даже пытались вымогать в столь же изящных и изощренных формах, в коих эта существенная для них «материальная помощь» предоставлялась им из Зимнего дворца.

Однако необходимо иметь в виду следующее. Этот эквивалентный обмен «любезностями» был вполне бескорыстен: Екатерина тщательно просеивала через сито политической целесообразности новейшие идеи и доктрины «философов», рачительно отбирая в них те элементы, которые были маркированы европейским общественным мнением как служащие общему благу, то есть прогрессивные, чтобы использовать их для стабилизации режима и укрепления своей личной власти. Просветители же использовали «внимание» к ним и заботливое «участие» в их судьбах главы крупнейшей европейской державы ее величества Екатерины II как свидетельство авторитета философской мысли

и практической значимости собственных доктрин. Но Екатерина II прекрасно понимала различие между «философом на троне» и «философом на стуле», точнее говоря, за письменным столом. То, что впоследствии имел ввиду Л.-Ф. Сегюр, вложив в уста императрицы фразу о различии положений пишущих на бумаге или на человеческой коже [Сегюр: 412]. Или же выраженное в более мягкой форме самой Екатериной II в письме к Ф. М. Гримму: «Критика легка, тяжело искусство» [Сборник Русского исторического общества 1881: 372–373]. Энциклопедисты же это понимали далеко не всегда, а некоторые и вовсе понимать отказывались, потому что у них было несколько преувеличенное представление о силе и возможностях российских монархов, о свободе их в принятии решений.

С воцарением Екатерины II предметом эквивалентного обмена стал вопрос о новом издании «Энциклопедии» в России, в полном, не изуродованном издателями виде. Характерно, что предложение перенести издание «Энциклопедии» в Россию последовало уже 6 июля 1762 г.: «...каковой она себя показала после, уже в 1762 году, через 9 дней по восшествии своем на престол, когда она предложила издателям “Энциклопедии” приехать кончить ее в ее империи» [Сборник Русского исторического общества 1881: 48; Луппол: 93]. И это произошло в день официальной смерти мужа Екатерины Петра III. И в этом совпадении дат нетрудно увидеть некое предложение: редчайший из существующих памятников человеческого ума будет воздвигаться в России, а его авторы из любви к своему грандиозному предприятию собственным авторитетным голосом заставят замолчать хулителей главной виновицы (вольной или невольной, не так уж важно) ропшинской трагедии. Воцарение «философа на троне», который будет издавать «Энциклопедию», уже само по себе оправдывало и переворот 28 июня 1762 г., и последующее затем убийство мужа Екатерины II. Собственно и вся переписка Вольтера с Екатериной во многом посвящена решению этой задачи, хотя ни о Петре III, ни о том, что произошло в Ропше, в ней нет ни слова. Потому что опытные политические дельцы о самом главном говорят мимоходом. Лишь в нескольких словах, но чаще не говорят вообще. Более того и Д. Дидро, и Вольтер готовы были добровольно отстаивать репутацию «Звезды Севера», когда на горизонте появлялись тучи над ее головой. Особенную ревность в этом отношении проявил редактор «Энциклопедии» Д. Дидро [Сборник Русского историческо-

го общества 1876: 256–257], когда 14 июня 1768 г. через Э.-М. Фальконе сообщил о появлении в Париже рукописи К.-К. Рюльера «История и анекдоты революции в России в 1762 г.» [Rulhier]. Автор этого сочинения, бывший во время переворота секретарем французского посольства в Петербурге, поставил перед собой цель рассказать, «какими честолюбивыми замыслами достигла сия государыня до самого насильственного престола». Императрица была представлена узурпатором трона, достигшим власти посредством интриги и заговора через труп своего мужа. Бывший дипломат читал свой опус в парижских салонах и тем самым вызвал большой шум.

Появление указанного сочинения по времени почти совпало с публикацией книги аббата Ж. Шаппа д'Отроша «Путешествие в Сибирь» — скандального сочинения астронома, довольно подробно описавшего Россию, варварскую и деспотичную страну с ее дикими нравами и обычаями. Хотя аббат воздержался от личных выпадов против Екатерины II, императрица сочла его своим злейшим врагом, потому что он дискредитировал управляемую ею страну. Совпадение по времени появления этих двух сочинений привело Екатерину II к мысли, что это была инсинуация руководителя французской внешней политики герцога Э.-Ф. Шуазеля. Она не сомневалась: оба сочинения были вызваны к жизни русско-турецкой войной и политикой России в Речи Посполитой. Императрица считала необходимым нейтрализовать эти сочинения, дискредитирующие Россию и лично ее саму. Опус аббата-астронома должен был получить достойную отповедь в печати, но так, чтобы в ней никак не было замешано имя императрицы. «Я презираю аббата Шаппа и его книгу и не считаю его достойным опровержения, потому что высказанные им глупости упадут сами собой», — писала императрица М.-Э. Фальконе 9 ноября 1769 г. [Сборник Русского исторического общества 1876: 95]. Но тем не менее стала искать французских авторов, которые были бы в состоянии подготовить такой труд [Сборник Русского исторического общества 1876: 95–97]. Послушный Ф. М. Гримм 1 марта 1769 г. поместил в своем издании «Литературной корреспонденции» разгромный отзыв на книгу Шаппа, но эта рецензия была «пустопорожней», потому что состояла из общих мест и огульных обвинений автора в некомпетентности. А вот «Энциклопедический журнал», где восемь лет назад при помощи Вольтера была помещена апология воцарения Екатерины II пера Ф.-Ж. Пикте, французского

аббата поддержал, поместив положительную рецензию на его сочинение. Такая оценка авторитетного среди просветителей издания делала особенно настоятельной выпуск обстоятельного критического разбора опуса астронома. С этой целью был подготовлен и анонимно издан в России и за границей «Антидот» — противоядие «Путешествию» Шаппа д'Отроша [Антидот], [Каррер д'Анкосс: 225–424]. Что же касается рукописи бывшего сотрудника французского посольства, то встревоженная не на шутку Екатерина пыталась не допустить публикации и искала способы опровергнуть то, что уже было оглашено во время чтения в парижских салонах. Пикантность ситуации заключалось в том, что Д. Дидро, присутствовавший при чтении, передал ей: в числе тех, кто сообщил конфиденциальные сведения французскому дипломату, были люди из ее ближайшего окружения [Сборник Русского исторического общества 1876: 260]. В самом деле, в рукописи Рюльера было и упоминание о том, что автор общался с княгиней Дашковой. В числе этих осведомителей императрица подозревала свою ближайшую подругу, впавшую в немилость вскоре после переворота и имевшую резоны так поступать.

В начале 1770 г. Дашкова отправилась в заграничное путешествие. Живая участница той «революции», которую описывал Рюльер, оказавшаяся в конце 1760-х гг. в положении полу-опалы, она претендовала на то, чтобы быть свидетелем беспристрастным. В ее «Записках» о целях этого вояжа говорилось буквально следующее: «Главная цель моего путешествия за границу состояла в том, чтобы ознакомиться с различными городами и выбрать наиболее подходящий для получения образования моим детям» [Дашкова: 94], [Архив князя Воронцова 1881: 127].

Как любая дворянка Дашкова могла выехать за границу, не получая на это разрешения монархини. Но княгиня была статс-дамой, то есть человеком государственным, и покинуть Россию без позволения императрицы не имела права. Разрешение ей было дано 28 июня 1769 г., в седьмую годовщину восшествия Екатерины II на престол во время празднества в Петергофе в присутствии иностранных дипломатов. Дашкова мотивировала свою просьбу отпустить ее за границу заботой о здоровье детей. Государыня была недовольна, но отказать не смогла.

При анализе этой сцены, описанной в «Записках» княгини, надо иметь в виду, что в тот момент Е. Р. Дашкова была в немилости. «Па-

нинская партия», отстаивавшая права на престол сына императрицы цесаревича Павла, только что проиграла очередной раунд борьбы за власть. Таким образом, разрешение отправиться за границу было дано женщине, которая в глазах Екатерины II могла стать ее главным хулителем. Поскольку Дашкова заявляла, что она предполагает жить в Париже с людьми пишущими [Сборник Русского исторического общества 1913: 78], она неминуемо должна была оказаться в обществе слушателей и даже читателей сочинения Рюльера, где неминуемо стала бы центром притяжения всех, кто интересовался тем, что в действительности произошло в России. Живой участник переворота, сыгравший в нем одну из важнейших ролей, ближайшая наперсница Екатерины II, с ней разошедшаяся после прихода императрицы к власти, исполненная обиды за то, что ее заслуги не были должным образом вознаграждены: трудно представить себе персонажа, который вызвал бы больший интерес у завсегдатаев парижских салонов, чем полу-опальная княгиня.

Никто не понимал этого лучше, чем российская императрица. Накануне отъезда царица прислала Дашковой четыре тысячи рублей на путевые расходы. Представляя себя гонимой, автор «Записок» иронично трактовала этот подарок как жалкую подачку: назвала сумму смешной [Архив князя Воронцова 1881: 126–127], [Дашкова: 94]. Но не посмела от нее отказаться, чтобы не обидеть императрицу. О презенте Екатерины сразу же стало известно иностранным дипломатам. О.-О. Сабатье де Кабр, французский поверенный в делах в Петербурге, так оценил значение этого подарка:

Очень похоже, императрица захотела заручиться голосом и энтузиазмом княгини Дашковой, давая ей этим понять, что новые щедроты послужат ей наградой за хвалу, которую от нее ждут в чужих краях, где она едва ли будет способна совершенно освободиться от порывов ее живого характера и ненасытного желания демонстрировать свой ум. Очевидно, Екатерина избрала самый верный способ держать ее в руках. Но, хотя императрица просила княгиню писать ей, я по-прежнему полагаю, что эта поездка ни в коем случае не может иметь никакого отношения к государственным делам. Проявляя эту заботу, императрица преследовала лишь одну цель: заручиться вполне подходящим для этого панегиристом, каковым Дашкова и является, чтобы воздавать хвалу Екатерине [Сборник Русского исторического общества 1913: 80].

Другими словами, дипломат был убежден: императрица дала понять княгине, что она будет щедро вознаграждена по возвращении, если та будет петь ей дифирамбы за границей. Но он очень сомневался в том, чтобы на Дашкову было возложено какое-либо поручение, касающееся дел государственных.

Очевидно, что дать разрешение на отъезд Дашковой за границу государыня могла только в том случае, если она была абсолютно уверена в том, что княгиня будет действовать в интересах страны и Екатерины II. Императрица прекрасно знала, что Вольтера не придется убеждать в том, что Рюльер написал правду. Что бы ни сочинил Рюльер, его «роман» не мог заставить Вольтера покинуть уже занятые им прежде позиции.

Дав добро на публикацию описания переворота Ж.-Ф. Пикте в «Энциклопедическом журнале», Вольтер навсегда связал свое имя с исключительно благоприятной для репутации Екатерины трактовкой «сериальной революции» в России, хотя имя философа в этой публикации не упоминалось. Но в 1768 г., когда в парижских салонах начали читать рукопись К.-К. Рюльера, Вольтер открыто высказался о перевороте 1762 г., смерти Петра III и воцарении Екатерины II, посвятив этому событию всего лишь один абзац в кратком обзоре века Людовика XV. Читая этот абзац, трудно отделаться от мысли о том, что когда Вольтер писал его, он имел перед глазами уже упоминавшееся письмо Ф.-Ж. Пикте. Точнее, тот фрагмент письма, в котором говорилось, как в Европе представляют себе воцарение Екатерины:

Возможно, за границей убеждены, что революция был порождена интригой или какой-либо группой заговорщиков. Может быть, воображают, что монархиня своими происками старалась создать партию, которая могла бы возвести ее на престол, и употребила все возможные ухищрения, чтобы его достигнуть. Если таково мнение Европы, то она ошибается, и не имеет верного представления ни о характере этой императрицы, ни о русских, ни о самой России... Императрица никогда не добивалась трона. Вступая на него, она следовала общему желанию нации. Императрица делала это лишь для того, чтобы спасти Россию от бед, которые ей казались угрожали... [Voltaire 1973: 166].

Вольтер воспринял этот фрагмент как руководство к действию и создал маленький циничный шедевр. Ознакомившись с ним, французский читатель, не особенно интересовавшийся событиями в России, должен был уяснить себе, что Петра III никто не убивал, а он умер сам, упившись пуншем. А пил он восемь дней подряд потому, что его поместили в заключение. В заключение же его отправили потому, что он имел глупость заявить преобращенцам, что с пятьюдесятью прусаками он может победить весь Преображенский полк. Этот недалекий человек, позволявший себе такие глупости, хотел развестись со своей женой и восстановить всех против нее. Это возмутило преобращенцев и народ. Царь был свергнут, преследуем и заточен. А императрицей провозгласили его жену Екатерину. Вольтер не преминул упомянуть о том, что женское правление вовсе не редкость в России. В течение века на престоле было пять женщин. Перечислив их по именам от Екатерины I до Екатерины II, писатель удачно обыграл имена стоявшей в начале этого женского ряда и замыкавшей его, подчеркнув тем самым как бы преемственность царствующей ныне в России императрицы, которая, став законодательницей, обессмертила это имя [Voltaire 1768: 267–268]; [Tourneux: 26].

Нетрудно заметить, что в тексте последовательность изложения событий такова, что создается впечатление: вначале Петр III упился до смерти, а потом, после кончины монарха-самодура, на престол возвели его умную жену.

15 мая 1771 г. Вольтер сообщил Екатерине II о появлении Дашковой в Ферней:

Лишь только вошла она в зал, тотчас узнала Ваш портрет, по атласу вытканый и гирляндами вокруг украшенный. <...> Изображение Ваше видимо имеет особливую сокровенную силу. Ибо я видел, что когда княгиня Дашкова смотрела на сие тканье, то глаза ее орошались слезами. Она говорила мне четыре часа сряду о Вашем Императорском Величестве, и мне показалось не более, как четыре минуты. Я получил от нее проповедь, говоренную Тверским Архиепископом Платоном над гробницею Петра Великого на другой день, как Ваше Императорское Величество получили известие о совершенном истреблении турецкого флота. Сия речь, обращенная к основателю Петербурга и Ваших флотов, есть, по мнению моему, наилучший в свете памятник; я думаю, что никогда и ни один оратор не

имел столь счастливой темы своего слова, не исключая и Греческого Платона. Тот день, в который сия священная церемония происходила, почитаю я за славнейший день жизни Вашей; но я это разумею о Вашей жизни прошедшей; ибо я надеюсь, что Вы будете иметь дни еще славнее онаго. Поелику Вы в Петербурге имеете уже Платона, то я уверен, что графы Орловы произведут из себя в Греции Мильтиадов и Фемистоклов [Voltaire 2006: 189].

Как это не похоже на то, что потом было представлено в «Записках» Дашковой. Четыре часа беседы и все о Екатерине II. Еще один жертвенник, на котором фернейский отшельник в очередной раз воскурил фимиам Звезде Севера, был воздвигнут у подножья Альп, как еще один верстовой столб на пути императрицы в храм славы. Мы бы так и думали, если бы не знали, что Вольтер сочинял свои эпистолы российской императрице столько же для нее, сколько и для публики. К счастью, не для «публики», а только для «своих». 21 июня 1771 г. Вольтер описал в письме Ж.-Ф. Мармонтелю свое общение с Дашковой в Ферней в течение двух дней. Он назвал ее княгиней, в высшей степени удивительной, совершенно не похожей на парижских дам. Примечательно, в письме Екатерине II писатель воздержался от комплиментов подруге императрицы, потому что хорошо понимал, что и кому можно писать. В письме к своему единомышленнику, которого не требовалось ублаживать грубой лестью и ублажать притворными комплементариями, философ был более откровенен и раскрыл, о чем они беседовали в действительности. Речь шла об «Антидоте», то есть, о выпущенном анонимно «Противоядии» «Путешествию» Шаппа д'Отроша. Вольтер писал:

Я должен вам сказать, что на севере у вас есть героиня, которая сражается за вас. Это княгиня Дашкова, хорошо известная своими деяниями, которые останутся в памяти грядущих поколений. Посмотрите, как она говорит о вашей дорогой Сорбонне в своем разборе путешествия в Сибирь аббата Шаппа [Voltaire 1973: 445].

В этом фрагменте самое замечательное то, что после беседы с Дашковой Вольтер был уверен, что Дашкова — автор этого памфлета. Очевидно, Дашкова приняла на себя авторство памфлета, чтобы скрыть причастность к нему Екатерины II. По всей видимости, это было нужно

императрице. Екатерина в письмах к Вольтеру отзывалась о сочинении аббата с демонстративным презрением. Она говорила, что аббат проехал Россию на почтовых лошадях в закрытых санях, то есть в действительности ничего не видел. Императрица назвала его сочинение «сказками..., которые не заслуживают ни малейшего доверия»: *«Говорят, что в своей книге он рассказывает, что измерял длину огарков свечей в ее комнате, хотя там никогда не бывал. Она его вообще не видела («Je ne l'ai vu, et cependant il pretend dans son livre, dit-on, avoir mesuré des bout de bougies dans ma chambre, où il n'a jamais mis le pied; ceci est un fait»* (Курсив мой. — М. С.) [Voltaire 2006: 231].

Обращает на себя внимание оборот “говорят”. То есть Екатерина только пересказывает общественное мнение. Очевидно, она делает вид, что даже не читала скандального сочинения аббата, потому что оно того не стоит. Этой репликой императрица дает понять Вольтеру и всем, кому он будет читать ее письмо, что не имеет к «Антидоту» ни малейшего отношения. Визит Дашковой в Ферней свидетельствует об обратном. Екатерина нуждалась в том, чтобы привлечь к своему «Противоядию» всеобщее внимание, попытаться побудить энциклопедистов выступить в роли пропагандистов этого сочинения, но при этом остаться абсолютно ни при чем. Стоит ли удивляться тому, что после появления Дашковой в Ферней Вольтер стал штудировать не только текст «Антидота», но и «Путешествие в Сибирь». О том, что он читает «критический разбор великого труда аббата Шаппа» Вольтер не без иронии сообщил Екатерине уже 10 июля 1771 г. [Voltaire 2006: 2002]. Но за двадцать дней до этого писатель составил выше цитируемое письмо Ж.-Ф. Мармонтелю, как бы реализуя намерения императрицы, которые он уяснил в результате общения с русской «Томирис, изъяснящейся по-французски».

Вольтер привел фрагмент из «Антидота». В этом фрагменте автор памфлета полемизирует с утверждением Шаппа д'Отроша о том, что среди российского духовенства Сорбонна приобрела такое уважение, что оно полагает: нельзя быть во Франции просвещенным, не будучи членом этого выдающегося учреждения [Chappe d'Auteroche: 134]. Письмо Вольтера не только открывает то, о чем княгиня беседовала с Патриархом с глазу на глаз, но и позволяет представить, как именно она это делала. Томирис — легендарная царица, победившая все сильного персидского царя Кира. Сравнение с воинствующей Томирис,

употребление глагола «сражаться» или «биться» явно отражает накал беседы и указывает на темперамент посланницы Екатерины II. Характерно, что княгиня апеллировала к Мармонтелю, выступая его горячей сторонницей. И то, что Вольтер был убежден ее аргументацией и даже нашел необходимым пересказать ее самому автору «Велизария», очень показательно.

Очевидно, задача же Дашковой состояла в том, чтобы убедить Вольтера, что, нападая на Россию и ее монарха, союзника энциклопедистов, ученый публицист наносил удар и по французским просветителям, по Просвещению в целом. Судя же по откровенному письму Вольтера к Мармонтелю, убеждать его в этом не пришлось. Он видел в княгине и ее августейшей подруге союзников в борьбе с невежеством и мракобесием. И стал горячо убеждать в этом автора «Велизария».

Вместе с тем, книга д'Отроша, побывавшего в Сибири и имевшего возможность непосредственно наблюдать быт и нравы России, могла оказать негативное воздействие на пишущих о России, но никогда в ней не бывших. Поэтому Екатерине нужен был не только авторитетнейший обличитель «наблюдений» французского астронома, сделанных «не по его части». Императрице было необходимо привлечь внимание к «Антидоту» еще и потому, что он был насыщен конкретными сведениями о России, носящими энциклопедический характер. Очевидно, тот, кто создавал текст «Антидота», настолько насытил его конкретикой, что она явно подавляла тот полемический задор, которого следовало бы ожидать от автора сочинения, долженствовавшего опровергнуть пасквиль Шаппа. Можно даже сказать, что обилие конкретных и самых разнообразных данных о России совершенно затемнило разоблачение аббата. По-видимому, организуя работу над ответом Шаппу, Екатерина ставила перед собой еще одну цель: помимо отпора антироссийским выпадам, императрица старалась представить европейским читателям и писателям, которые будут писать о России, как можно больше конкретных материалов о стране. Монархиня была очень недовольна статьями Л. де Жокура «Россия» и «Петербург» в «Энциклопедии» Д. Дидро [Мезин: 58–67]. По всей видимости, она хотела, чтобы материалы, собранные в «Антидоте», послужили бы основой для статьи о России в новом издании «Энциклопедии», которое практичная императрица намеривалась осуществить в своей стране. Не с этой ли целью Екатерина снабжала Вольтера материалами о Сибири и послала ему в качестве

вещественных доказательств семена сибирских кедров? [Voltaire 2006: 223, 231]. Недаром же значительно позже, 13 сентября 1774 г., когда Д. Дидро выражал радость Екатерине по поводу ее намерения переиздать «Энциклопедию», философ писал: «Я мог бы, следовательно, исправить глупости г. аббата Шаппа и г. кавалера Жокура» [Сборник Русского исторического общества 1881: 519].

Но наряду со стремлением создать благоприятный образ России перьями корифеев Просвещения было и другое. Текст «Антидота» содержал в себе индульгенцию для нее, начертанную ее собственной рукой. Она касалась мотивов императрицы, руководствуясь которыми жена Петра III приняла на себя верховную власть. Пассаж, непосредственно трактовавший этот щекотливый сюжет, представлял собой недвусмысленный ответ на распространяемое в Париже сочинение К.-К. Рюльера о перевороте 1762 г., изобразившего ее в качестве «бой-бабы», одаренной незаурядным властным умом “*comme une maîtress femme, comme un gran cervello di principessa*” [Сборник Русского исторического общества 1876: 260]. Так, по крайней мере, сообщил ей Дидро [Сборник Русского исторического общества 1876: 43–44]. Отвечая на сообщение Дидро, переданное посредством Фальконе, Екатерина написала в 1768 г.: работа Рюльера не представляет собой ничего заслуживающего внимания, «ибо в описываемом событии ничего подобного не было, но речь шла о том, чтобы или погибнуть вместе с сумасшедшим, или спастись вместе подавляющим большинством людей, желавших освободиться от него. Или же потому, что во всем этом не было никакой интриги, а лишь дурное поведение одного лица и если бы не оно, то совершенно определено, никогда ничего не могло бы приключиться» [Сборник Русского исторического общества 1876: 44].

Теперь, два года спустя, в тексте «Антидота» появились следующие слова:

Тогда она увидела перед собой две дороги: разделить все несчастья вместе с мужем, который ее ненавидел, был неспособен следовать ее добрым советам и не имел большего врага, чем он сам, или же спасти государство, семилетнего великого князя и себя самое. Екатерина более не колебалась. Она спасла это государство, у которого осталась только одна надежда на нее [Антидот: 108].

Примечательно, что Шапп не обличал Екатерину II лично. Напротив, о великой княгине Екатерине он поместил благоприятный для ее репутации отзыв: «Она сохраняла спокойствие при дворе, изучала науки и занималась литературой» [Chappe d'Auteroche: 118]. Но этой похвалы самодержице показалось недостаточно. И она дополнила свою характеристику:

Никогда не было более сложного положения, чем то, в котором оказалась великая княгиня в это время. Она находилась между императрицей, своим мужем, их фаворитами и народом. Все уважали ее, одни боялись, другие любили. Доброта сердца, справедливость суждений, свойства ее ума сделали то, что она смогла не только поддерживать свое положение, нисколько не жалуясь, но и выбрать самую верную дорогу. При жизни императрицы она не прекращала подавать великому князю самые мудрые советы, пока не поняла, что они стали для него бесполезными, а для нее вредными. Тогда она увидела, что перед ней две дороги... [Антидот: 108].

(Jamais situation ne fut plus difficile que celle de cette Princesse en ce temps-là. Elle trouvait entre l'Impératrice, son époux, leurs favoris et la nation. Elle était estimé de tous, craintée des uns, aimée des autres : la bonté de son coeur, la justesse de son jugement; et la culture de son esprit lui firent non seulement supporter son état sans jamais se plaindre, mais encore choisir le chemin le plus sûr. Elle ne discontinua point pendant la vie de l'impératrice de donner au Grand-Duc les conseils les plus sencés jusqu'à ce qu'elle vit, qu'il devenaient inutiles à ce Prince est nuisibles à elle-même. Alors voyant qu'il n'y avait devant elle deux chemines...) [Chappe d'Auteroche: 118].

Это было своеобразное послание, адресованное друзьям-энциклопедистам и всем читающим людям Европы. Впоследствии, в первой половине 1790-х гг., когда Екатерина II писала свои мемуары, адресованные потомству, она дважды повторила эту же мысль: во второй их редакции и в подготовительных материалах к ним.

В подготовительных материалах этот пассаж о необходимости выбора двух дорог представлен следующим образом:

...и как обстоятельства принимали такой оборот, что надо было погибнуть с ним, через него, или же постараться спастись от гибели и спасти своих детей и государство [Записки императрицы Екатерины Второй: 466].

В тексте второй редакции императрица развернула этот тезис, увеличив число дорого до трех:

...и я с тех пор увидала, что на мой выбор представлялись три дороги одинаково трудные: во-первых, делить участь Его императорского Высочества, как она может сложиться; во-вторых, подвергаться ежечасно тому, что ему угодно будет затеять за или против меня; в-третьих, избрать путь, независимый от всяких событий. Но, говоря яснее, дело шло о том, чтобы погибнуть с ним или через него, или же спасти себя, детей и, может быть, государство, от той гибели, опасность которой заставляли предвидеть се нравственные и физические качества этого государя. Эта последняя доля показалась мне самой надежной, и я решила по мере сил продолжать подавать князю все советы, какие могу придумать для его блага, но никогда не упорствовать до того, чтобы его сердить, как раньше, когда он их не слушался; открывать ему глаза на его действительные интересы каждый раз, как случай к тому представится, и в остальное время замкнуться в очень угрюмое молчание, наблюдая, с другой стороны, в обществе мои интересы так, чтобы оно видело во мне, при случае, спасителя государства [Записки императрицы Екатерины Второй: 423].

Нетрудно заметить, что в окончательном варианте императрица, чувствовавшая себя в то время, когда она его создавала, более свободной, нежели раньше, уже несколько усилила свою активную роль: она позиционировала себя так, чтобы общество видело в ней потенциальную спасительницу. Это «признание» представляло уже нечто новое: в предшествующих текстах она предписывала себе исключительно пассивную роль. Однако обращает на себя внимание примечательный факт. В обоих случаях мемуаристка по-разному представила конкретные причины, заставившие ее оказаться перед выбором дальнейшей дороги и прийти к такому судьбоносному решению. В подготовительных материалах речь шла о том, что Петр III посреди ночи заставил ее подняться с постели, отправиться к нему в комнаты и в его присутствии провести вечер в обществе С. А. Понятовского. Во второй же редакции речь шла совсем о другом. Ее муж заявлял публично, что он не знает, откуда его жена «берет свою беременность».

Эта разноголосица уже сама по себе порождала сомнение в искренности мемуаристки, пытавшейся предъявить читателю самые «прав-

доподобные» доказательства того, что жена Петра III вовсе не стремилась к власти, а была вынуждена спасти государство, сына и себя саму. Главным и единственным побудительным мотивом ее действий было спасение. Такой вывод должен был сделать Вольтер после общения с Дашковой и чтения, как он полагал, ее «Антидота». Но еще раньше княгиня имела контакты с Дидро в Париже. Значительно позже распространились слухи, что Дашкова, отправляясь за границу, объявила, что главная цель ее путешествия была «месть» Шаппу д'Отрошу за его скандальную книгу. Говорили, что княгиня намеривалась провести два года в Париже, чтобы встретиться там автора «Путешествия в Сибирь» [Сомов: 39]. Утверждали даже: Дашкова грозилась «всадить пулю в лоб бедному аббату Шаппу» [Masson: 21; Сомов: 40]. Но он успел к тому времени умереть в Калифорнии. Однако это были только слухи.

Итак, главная цель пребывания Дашковой во французской столице состояла в том, чтобы послужить своеобразным «Противоядием» не Шаппу, а Рюльеру. По всей видимости, о «Путешествии в Сибирь» с Дидро княгиня не говорила. Во всяком случае, после встреч с Дашковой философ не догадывался о том, что она представлялась автором «Антидота». Другое дело — опус Рюльера. Хотя в Петербурге никто еще не читал его рукописи, но дух ее и общая направленность была известна в Зимнем дворце благодаря письмам Дидро и Фальконе. Задача Дашковой как непосредственного участника переворота заключалась в том, чтобы представить такую интерпретацию переворота, из которой непреложно следовало бы, что она произошла без всякого участия Екатерины II. Княгиня «рвалась в бой» и собиралась непосредственно дискутировать с бывшим секретарем французского посольства в Петербурге, хотя в «Записках» сама Дашкова делала вид, будто ничего не знала о существовании сочинения Рюльера [Дашкова: 100–101]. Но Дидро, добровольно взявший на себя обязанности главного координатора всех действий по дезавуированию рюльерова сочинения [Tourneux: 25–43], не допустил ее до этого, не будучи уверенным, что княгиня с этой задачей успешно справится без его помощи. Он сделал лучше: записал все рассказанное ему Дашковой о перевороте, а потом в присутствии Рюльера прочитал свою записку и тут же уничтожил ее на глазах у всех слушателей. Без сомнения, сохранив копию ее у себя [Сомов: 39–45]. Рюльер был посрамлен, а вера в его сочинение подорвана [Сафонов 2018: 39–45].

По возвращении из путешествия княгиню Дашкову ждал и радушный прием императрицы и денежные вознаграждения. Она вскоре получила 10 тысяч рублей, а потом еще и 60 тысяч [Дашкова: 109, 110]. Императрица осталась довольна. Очевидно, Дашкова успешно выполнила то, что на нее было возложено августейшей подругой. Но о «секретной миссии» княгиня предпочитала не распространяться.

Список литературы

Источники

Антидот // Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и объяснительными примечаниями академика А. Н. Пыпина. СПб.: Имп. Акад. наук, 1901. Т. VII. 360 с.

Архив князя Воронцова. М.: Унив. тип., 1881. Т. XXI. 390 с.

Библиотека Вольтера Каталог книг. Л.; М.: АН СССР, 1961. 1166 с.

Греч Н. В. Записки о моей жизни. СПб.: А. С. Суворин, 1886. 588 с.

Дашкова Е. Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. М.: МГУ, 1987. 493 с.

Записки императрицы Екатерины Второй. М.: Орбита, 1989. 748 с.

Сборник Русского исторического общества. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1876. Т. XVII. 415 с.

Сборник Русского исторического общества. СПб.: Тип Имп. Акад. наук, 1878. Т. XXIII. 732 с.

Сборник Русского исторического общества. СПб.: Тип Имп. Акад. наук, 1881. Т. XXXIII. 736 с.

Сборник Русского исторического общества. СПб.: Тип. Тренте и Фюсло, 1913. CXLIII. 643 с.

Сегюр Л. Ф. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II. СПб.: Тип. В. Н. Майкова, 1865. 386 с.

Слово при случае совершенных молитв над гробом Петра Великого, по причине одержания флотом российским над оттоманским флотом во Архепелаге славной победы, 1770 года июня 24 дня. СПб.: Тип. Акад. наук, 1770. 9 с.

Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и собъяснительными примечаниями академика А. Н. Пыпина. СПб.: Имп. Акад. наук, 1907. Т. 12. Кн. 1. 495 с.

Antidote ou Examen du mauvais livre superbement imprimé intitulé: “Voyage en Siberie fait par ordre du Roi en 1761 contenant les mœurs, les usages des Russes ... Par M. l~Abbé Chappe d~Auroche de l~Academie Rpyale des sciences à Paris ... ». S. I. St. Pétersbourg: [S. n.], 1770. 232 p.

Chappe d'Auroche J. B. Voyage en Sibérie, fait par ordre du roi en 1761; contenant les mœurs, les usages des Russes & l'état actuel de cette puissance etc. Par m. L'abbé Chappe d'Auroche. Paris: Debure, 1768. Т. I (P. 1–2). Т. II. La description du Kamtchatka. Par M. Kracheninnikow. 627 p.

Masson C. F. P. Mémoires secrets sur la Russie pendant les regnes de Catherine II er Paul 1-er. Paris: Libre. Didot, 1859. 464 p.

Encyclopedie, ou Dictionnaire raisonne des sciences, des arts et des metiers... Neufchastel: Briasson, 1765. Vol. 12. P. 463–464.

Encyclopedie, ou Dictionnaire raisonne des sciences, des arts et des metiers... Neufchastel: Briasson, 1765. Vol. 14. P. 442–445.

Rulhière C. C. Histoire ou Anecdotes sur la révolution de Russie, en 1762. 1797 / par mr. de Rulhière... Paris: Les Marchands de nouveautés, 1797. 148 p.

Voltaire. Correspondence and Related documents. Vol. XXV. Definitive edition by Theodore Besterman. Vol. XXV. Jane 1702 – 17 janvier 1763. Letters D. 10482- D. 10972. Oxfordshire, 1973. P. 114–117.

Voltaire Catherine II. Correspondance 1763–1778. [S. l.]: Association des Amis de Paris-Méditerranée, 2006. 372 p.

Voltaire. Complete Works of Voltaire 137B. Corpes des notes marginales 2B. Chalois-Cyrellus. Oxford, 2009. № 337. P. 487–490.

Voltaire. Précis du siècle de Lous XY. Paris: Antoine-Augustin Renourd, 1768. 268 p.

Исследования

Луппол И. К. Дени Дидро. М.: АН СССР, 1960. 295 с.

Мезин С. А. Дидро и цивилизация России. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 270 с.

Сафонов М. М. Ангальт-Цербстская девственница // Технология власти. Нестор. 2005. № 1 (7). С. 208–242.

Сафонов М. М. Вольтер, княгиня Е. Р. Дашкова, Екатерина II // Вольтеровские чтения. СПб.: Российская национальная б-ка, 2014. Вып. 2. С. 132–153.

Сафонов М. М. «Вольтериада» Жана Гюбера и княгиня Екатерина Романовна Дашкова // Труды Государственного Эрмитажа. СПб.: Государственный эрмитаж, 2018. Т. 91. С. 145–156.

Сафонов М. М. Екатерина Романовна Дашкова и Вольтер // Россия и западно-европейское Просвещение. Памяти Н. А. Копанева. СПб.: РНБ, 2016. С. 112–128.

Сомов В. А. «Президент трех академий» Е. Р. Дашкова во французской «Росси-ке» конца XVIII века // Е. Р. Дашкова и А. С. Пушкин в истории России. М.: Московский гуманитарный ин-т им. Е. Р. Дашковой, 2000. С. 39–53.

Элькина И. М. Просветители и книга Шаппа д'Отроша о России // Вестник МГУ. Серия IX. История. 1973. № 6. С. 71–81.

Каррер д'Анкокс Э. Импертарица и Аббат. Неизданная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отроша. М.: Олма-Пресс, 2005. 460 с.

Carrer d'Ancausse H. L'impératrice et l'abbé: un duel littéraire inédit entre Catherine II et l'abbéChappe d'Auteroche. Paris : Fayard, 2003. 642 p.

Dulac G., Somov V. Politique, littérature et mestification: Echec à Rulière. Un récit de Diderot rapporté par D. Golitzin // Dix-huitième siècles. 1991. № 23. P. 219–222.

Tourneux M. Diderot et Catherine II. Paris: Calmann-Lévy, 1899. 601 p.

References

Luppol, I. K. *Deni Didro* [Denis Diderot]. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1960. 295 p. (In Russ.)

Mezin, S. A. *Didro i tsivilizatsiia Rossii* [Diderot and the Civilization of Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018. 270 p. (In Russ.)

Safonov, M. M. "Angal't-Tserbstskaia devstvennitsa" ["The Virgin of Anhalt-Zerbst"]. *Tekhnologiia vlasti. Nestor*, no. 1 (7), 2005, pp. 208–242. (In Russ.)

Safonov, M. M. “Vol'ter, kniaginia E. R. Dashkova, Ekaterina II” [“Voltaire, Princess E. R. Dashkova, and Catherine II”]. *Vol'terovskie chteniia [Voltairean Readings]*, issue 2. St. Petersburg, National Library of Russia Publ., 2014, pp. 132–153. (In Russ.)

Safonov, M. M. “‘Vol'teriada' Zhana Giubera i kniaginia Ekaterina Romanovna Dashkova” [“Jean Hubert's ‘Voltériade’ and Princess Ekaterina Romanovna Dashkova”]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha [Proceedings of the State Hermitage Museum]*, vol. 91. St. Petersburg, State Hermitage Museum Publ., 2018, pp. 145–156. (In Russ.)

Safonov, M. M. “Ekaterina Romanovna Dashkova i Vol'ter” [“Ekaterina Romanovna Dashkova and Voltaire”]. *Rossiiia i zapadnoevropeiskoe Prosveshchenie [Russia and the Western European Enlightenment]*. St. Petersburg, National Library of Russia Publ., 2016, pp. 112–128. (In Russ.)

Somov, V. A. “‘Prezident trekh akademii' E. R. Dashkova vo frantsuzskoi ‘Rossike' konta XVIII veka” [“E. R. Dashkova's ‘President of the Three Academies’ in the French ‘Rossica’ of the Late 18th Century”]. *E. R. Dashkova i A. S. Pushkin v istorii Rossii [E. R. Dashkova and A. S. Pushkin in the History of Russia]*. Moscow, Moscow Institute for the Humanities named after Princess E. R. Dashkova Publ., 2000, pp. 39–53. (In Russ.)

El'kina, I. M. “Prosvetiteli i kniga Shappa d'Otrosha o Rossii” [“The Enlightenment and Chappe d'Autroche's Book on Russia”]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii IX. Istoriia*, no. 6, 1973, pp. 71–81. (In Russ.)

Karrer d'Ankoss, E. *Impertaritsa i Abbat. Neizdannaiia duel' Ekateriny II i abbata Shappa d'Otrosha [The Empress and the Abbot. The Unpublished Duel of Catherine II and Abbot Chappe d'Autroche]*. Moscow, Olma-Press Publ., 2005. 460 p. (In Russ.)

Carrer d'Ancausse, Hélène. *L'impératrice et l'abbé: un duel littéraire inédit entre Catherine II et l'abbé Chappe d'Autroche*. Paris, Fayard, 2003. 642 p. (In French)

Dulac, Georges, et Vladimir Somov. “Politique, littérature et mestification: Ehec à Rulière. Un récit de Diderot rapporté par D. Golitzin.” *Dix-huitième siècles*, no. 23, 1991, pp. 219–222. (In French)

Tourneux, Maurice. *Diderot et Catherine II*. Paris, Calmann-Lévy, 1899. 601 p. (In French)